

● Читать Чехова большое наслаждение, для врача — это двойное удовольствие. Глубина и энциклопедичность его познаний в медицине поражают. Конечно, никакого открытия тут нет, всем известно, что, даже будучи уже известным писателем, Антон Павлович активно занимался и врачебной практикой. С другой стороны, подобно многим выдающимся деятелям русской культуры, он серьезно относился и к своим, так сказать, общественным обязанностям — был гласным Серпуховского земского собрания, присяжным заседателем Московского окружного суда.

В своих произведениях Антон Павлович чисто профессионально, со знанием дела писал как о тонкостях юриспруденции, так и о такой специфичной и узкой науке, как судебная медицина. Во многих рассказах Чехова увлеченность автора этой редкой профессией видна невооруженным глазом.

В широко известной новелле «Шведская спичка» поражает точное и достоверное описание места происшествия, которое бы сделало честь любому следователю или эксперту. Впрочем, с задачами лиц, ведущих расследование на месте происшествия, многие читатели хорошо знакомы. Редкий детектив или приключенческий кинофильм обходится без живого, захватывающего изображения работы судебных медиков. Вот как это делает А. П. Чехов:

«Чубиков, его помощник и становой открыли дверь и нерешительно, один за другим вошли в спальню. Их глазам представилось следующее зрелище. У единственного окна стояла большая деревянная кровать с огромной пуховой периной. На измятой перине лежало скомканное измятое одеяло. Подушка в ситцевой наволочке, тоже сильно помятая, валялась на полу. На столике перед дверью лежали серебряные часы и серебряная монета двадцатикопеечного достоинства. Тут же лежали и серные спички. Кроме кровати, столика и единственного стула, другой мебели в спальне не было. Заглянув под кровать, становой увидел десятка два пустых бутылок, старую соломенную шляпу и четверть водки. Под столиком валялся один сапог, покрытый пылью. Окинув взглядом комнату, следователь нахмурился и покраснел...

— На полу ничего особенного не заметно, — сказал Дюковский. — Ни пятен, ни царапин. Нашел одну только обгоревшую шведскую спичку. Вот она! Насколько я помню, Марк Иванович не курил; в общепитии же он употреблял серные спички, отнюдь же не шведские. Эта спичка может служить уликой...»

Далее группа, прибывшая на место происшествия, спускается в сад и столь же тщательно продолжает осмотр. Его А. П. Чехов описывает весьма детально, со множеством подробностей:

«Придя в сад, следствие прежде всего занялось осмотром травы. Трава под окном была помята. Куст репейника под окном самой стены оказался тоже помятым. Дюковскому удалось найти на нем несколько поломанных веточек и кусочек ваты. На верхних головках были найдены тонкие волоски темно-синей шерсти.

— Какого цвета был его последний костюм? — спросил Дюковский у Псекова.

— Желтый, парусиновый.

— Отлично. Они, значит, были в силе.

В современной криминалистике существует такое понятие, как психология ос-

М. ФУРМАН,
судебно-медицинский эксперт

мотра места происшествия. Оно включает в себя не только то конкретное, что видит следователь и эксперт, но и то, что остается за кадром, как бы скрытым от глаза. Постепенно начинается разработка одной или нескольких версий по делу в зависимости от обстоятельств, а иногда вспышка, озарение, если хотите, вдохновение могут привести к раскрытию преступления.

Вот и молодой помощник опытного следователя «юноша Дюковский», как пишет о нем Чехов, когда дело заходит в тупик, пытается вникнуть в психологическую суть случившегося. В одном из черновых вариантов у писателя можно прочесть: «Боже мой, какая уозсть взгляда! Они тогда поверят, только убедятся, если перед ними выложить топоры да рубахи с кровью! Психология их у них нипочем... Юристы, черт возьми! Так я же вам докажу! Вы перестанете у меня так иронически относиться к психической стороне дела! У меня есть вещественное доказательство, которым я еще не пользовался...»

В конце концов все становится на свои места. По найденной редкой спичке следствие выходит на Ольгу Петровну — жену станового пристава. Именно она обронила ее в доме предполагаемой жертвы — таинственно исчезнувшего отставного гвардии корнета Марка Ивановича Кляузова, который предполагался убитым, а на самом деле прятался в бане.

Антон Павлович, по его собственным словам, считал «Шведскую спичку» пародией на уголовные рассказы. О детективных произведениях такого рода в 1884 году он писал: «Наши газеты разделяются на два лагеря: одни из них публикуют публику передовыми статьями, другие — романами... Читаешь и оторопь берет. Убийства, людоедство, миллионные проигрыши, привидения, лжеграфы, развалины замков, совы, скелеты, сомнамбулы, и... черт знает, чего только нет в этих

раздражениях пленной и хмельной мысли!» («Осколки московской жизни»).

В том же 1884 году было напечатано крупное произведение А. П. Чехова, сюжет которого связан с длительным расследованием нераскрытого убийства, — «Драма на охоте», имеющее подзаголовок «Из записок судебного следователя». Не касаясь мотивов и деталей происшедшего, хочу обратить внимание на мастерское описание Чеховым, на уровне судебной медицины того времени, исследования тела покойной — главной героини романа, молодой красивой женщины Ольги Урбениной.

Большинство современников А. П. Чехова и более поздние исследователи его творчества невысоко оценили «Драму на охоте». Одни относили роман к мелодраматическим произведениям, другие считали, что он является пародией на уголовно-детективные повести и рассказы. Возможно, это объясняется тем, что чеховская вещь впервые появилась в газете «Новости дня» за 1884—1885 гг., где печаталась с продолжениями и одновременной публикацией таких авантюрно-бульварных произведений, как «Отцеубийство» и «Загадочное самоубийство, или «Дело Базарова» В. Прохорова, «Кровь за кровь» А. Чумака, «Черная банда» Лабуры и др. Современная литературная критика оценивает роман А. П. Чехова по-иному, относя его к вполне реалистическим произведениям. Думается, эта точка зрения более обоснованна. Достаточно сопоставить некоторые факты из биографии писателя с моментом появления «Драмы на охоте».

Весной 1884 года Антон Павлович успешно сдает выпускные экзамены на медицинском факультете Московского университета и после пяти лет напряженной учебы начинает работать земским врачом в Чикинской и Звенигородской больницах. Он ведет прием больных, выезжает на вызовы в близлежащие села, по предложениям полиции участвует в судебно-медицинских вскрытиях. По собственному признанию Антона Павловича, времени для занятий литературой остается очень мало.

В письме редактору журнала «Осколки» Н. А. Лейкину, где А. П. Чехов часто печатался, он пишет: «...Сейчас я приехал с судебно-медицинского вскрытия, бывшего в 10 верстах от Воскресенска. Ехал на залихватской тройке купно с дряхлым, еле дышащим и за ветхостью никуда не годным судебным следователем, маленьким, седеньким и добрейшим существом, мечтающим уже 25 лет о месте члена суда. Вскрывал я вместе с судебным врачом на поле под зеленой молодой дуба, на проселочной дороге».

После этих строк, а также анализа предельно точного, скрупулезного, исполненного на высоком научном уровне протокола вскрытия героини «Драмы на охоте» понимаешь, насколько психологически сильно, с глубоким знанием как юридической, так и медицинской стороны вопроса написан роман А. П. Чехова. Сюжет в произведении безусловно усложнен, он с элементами детектива. Поэтому рассматривать чеховский роман как мелодраму или пародию на уголовную тему, видимо, не стоит.

Подтверждением увлеченности А. П. Чехова судебной медициной служат и строки из книги В. А. Гиляровского «Друзья

и встречи». В диалоге между двумя писателями есть такие слова: «Да, вот... Ты думаешь, я плохой доктор? Полицейская Москва меня признает за доктора, а не за писателя, значит, я доктор». Во «Всемирной Моисее» напечатано: «Чехов Антон Павлович. Малая Дмитровка. Дом Пешкова. Практикующий врач». Так и написано: не писатель, а врач, — значит, верь!».

Заметно также, что Антон Павлович проявлял несомненный и прочный интерес к юридической практике. Получив от адвоката С. А. Андреевского его книгу «Защитительные речи», писатель при встрече с автором говорит: «О Ваших речах нужно писать много или ничего... Для меня речи таких юристов, как Вы, Кони и др., представляют двойной интерес. В них я ищу, во-первых, художественных достоинств, искусства и, во-вторых, того, что имеет научное или судебно-практическое значение. Ваша речь по поводу юнкера, убившего своего товарища, это — вещь удивительная по грациозности, простоте и картинности: люди живые, и я даже дно оврага вижу».

Любопытен взгляд известного советского писателя Юрия Олеши на концовку пьесы А. П. Чехова. В статье «Заметки драматурга» Ю. Олеша пишет: «Меня интересует вопрос о физическом уничтожении персонажей в пьесах. Прежде писались пьесы, в которых участвовали короли, принцы, полководцы, рыцари (Шекспир, Шиллер, Гюго). Этим персонажам уничтожить друг друга было легко. Они все были при шпагах, и — в случае чего — просто выхватывались шпага, и происходило нужное по сюжету убийство... Например, пьесы Чехова. Чехов не представлял себе пьесы без выстрела. Во всех его пьесах раздается выстрел. В «Воеводе» «Медведь» дело вертится вокруг пистолетов. И даже в известном определении законов драмы Чехов не мог обойтись без огнестрельного оружия: «Если ружье висит в первом акте, то в последнем оно должно выстрелить». Иванов стреляет в себя, Войничий в Серебрякова, Треплев в себя. В «Трех сестрах» — дуэль... У Чехова же есть рассказ о том, как обманутый муж выбирает в магазине оружие. А Иванов на собственную свадьбу пришел с револьвером».

Мы знаем не так уж мало примеров, когда писатели, художники, композиторы сочетали служение искусству с правовой деятельностью. С 1889 года, в течение нескольких лет с перерывами, вызванными арестами и литературными заботами, проработав писемководителем в конторе нижегородского адвоката А. И. Ланина молодой А. М. Горький. Закончили юридические учебные заведения А. Н. Радищев, А. С. Грибоедов, М. А. Врубель, М. Н. Андреев, П. И. Чайковский, Н. К. Рерих. Хотели получить правовое образование, но не завершили его А. Блок, Л. Н. Толстой, И. Д. Бальмонт, А. А. Ахматова.

Удачным примером того, как знание медицины помогает в литературном труде, может служить творчество одного из основоположников детективного жанра в мировой литературе А. Конан Дойла. Наименее реальным лицом, в какой-то степени связанным с судебной медициной, был литературный герой писателя — доктор Уотсон. Впрочем, в любой из новелл Уотсон играет вспомогательную роль, являясь лишь тенью знаменитого сыщика Шерлока Холмса. У последнего же был прототип, имеющий самое непосредственное отношение к судебной медицине.

Доктор Джозеф Белл, профессор госпиталей в Эдинбурге, был одним из учителей Конан Дойла, который в юные годы, как и молодой Чехов, окончил медицинский факультет университета. Профессор был выдающейся личностью. Опытный врач-хирург, он многие годы сотрудничал с местной полицией, помогая ей как судебный медик в расследовании преступлений. Многие черты характера своего учителя, остроту его ума и оригинальность мышления Конан Дойл щедро перенес на Шерлока Холмса. Уже после того, как писатель стал знаменит, Джозеф Белл время от времени «подбрасывал» ему сюжеты для новых произведений из своей богатой практики. Понятно, я не провожу прямой аналогии между А. П. Чеховым и А. Конан Дойлом, слишком разнятся их творчество, но общей гранью соприкосновения стало медицинское образование, получившее отображение в ряде произведений, столь разных по стилю и жанрам писателей.

И все же в плане сочетания литературной, медицинской и общественной деятельности на протяжении всей жизни, в созвездии громких имен, пример А. П. Чехова представляется исключительным и неповторимым. Медицина, эта наиболее гуманная из всех человеческих профессий, до конца дней интересовала великого писателя. Список произведений Антона Павловича, в которых он глубоко профессионально затрагивает вопросы юридической практики и судебной медицины, можно продолжить. В этом плане творческая лаборатория писателя еще ждет серьезного исследования.